

Окончание. Начало — на стр. 1-7

Это была тяжёлая уродливая война, когда остатки российской армии, собранной с миру по нитке, гибли под чеченскими гранатомётами. Кругом роились трупы и предатели. В лицо наступающим армянкам летели чеченские пули, а в спину били кинескопы продажного русофобского телевидения. И среди этой жуткой, тёмной войны появилась светлая инослая лучистая икона русского солдата Евгения Родионова, который принял мученическую смерть, но не предал ни армию, ни Христа, ни Россию.

Я был на второй чеченской. Генерал Трошев посадил меня на вертолёт, и мы летели над Сунжей, по которой ещё плыли льды. А по берегу длинной бахромой тянулся мусор: тряпье, поломанные повозки, остатки джипов. Казалось, что здесь проехал огромный мусоровоз и вывалил хлам. То были остатки колонии Шамиля Басаева, уехавшего из Грозного и попавшего на минные поля и под кинжальный огонь русских пулемётов.

Тогда, после победы во второй чеченской войне, Россия оттолкнулась ото dna своей истории и стала медленно всплывать к свету.

В ПЕРВЫЕ я увидел Путина в Кремле, в кремлёвской библиотеке, куда был приглашён вместе с моим коллегой — замечательным редактором "Советской России" Валентином Васильевичем Чикиным. Мы задавали Путину вопросы, теперь уже не помню какие, но помню, что ответы Путина показались мне необычными, и сам он был так непохож на прежних кремлёвских головастики и короedores.

После этой встречи у меня появилось ощущение, что к власти в России пришёл человек, способный за волосы вытащить её из болота. Это были годы медленного русского восхождения. Россия, после 1991 года упавшая в чёрную яму истории, начинала медленно всплывать, создавая своё новое государство — пятую империю русских.

Я жадно наблюдал признаки этого русского возрождения. Я без устали ездил по оборонным заводам и видел, как на них строятся новые русские самолёты, русские танки, русские подводные лодки. Россия обрела армию, обрела оборонную промышленность, обрела новых политиков.

В моих новых романах "Господин Гексоген", "Виртуоз", "Алюминиевое лицо", "Русский" я пытался нащупать новый образ российской власти. Различить среди призраков и миражей подлинных правителей и стратегов. Я постигал путинский план алтарей и обо-

ронных заводов, когда возрождённые конвейеры создавали оружие, защищавшее земные границы России, а множество возведённых алтарей, у которых днём и ночью молились монахи, развешивали над Россией непроницаемый для зла духовный покров.

Возвращение Крыма было русским чудом, было даром Господним, было авансом, который Господь дал русским людям, чтобы они отработали этот аванс на заводах и пахитях русской истории.

Я был в Георгиевском зале Кремля, когда Путин произносил свою знаменитую Крымскую речь. Я видел, как он волновался, как ходило его лицо. Я выступал на митинге на Красной площади, где мы славили возвращение Крыма. И Путин, завершив своё выступление, направляясь к машине, увидел меня, подошёл и обнял.

Новая Россия мучительно, в противоречиях и срывах вставала, окружённая невзгодами. Но в её идеологии уже присутствовала Победа 1945 года. По Красной площади на парадах уже проносили Красное знамя Победы, служившее государственным символом новой России. И знамя Победы, внесённое Путиным в российскую идеологию, стало выстраивать и создавать эту идеологию, наполнять её возвышенными смыслами русской истории.

С моими друзьями и единомышленниками мы создали Изборский клуб, куда входили экономисты, философы, политики, писатели, религиозные деятели, стремившиеся создать идеологию новой России.

Этот клуб начинали владыка Тихон Шевкунов, экономист Сергей Глазьев, нобелевский лауреат Жорес Алфёров и множество блистательных русских умов. Мы выпускали наш журнал с уникальными статьями, посвящёнными строительству нового Государства Российского. Здесь, в Изборском клубе, рождалось новое изборское мировоззрение. Согласно этому мировоззрению, русская история, русское время были не просто движением событий и исторических фактов, а движением возвышенных русских смыслов, которые открывались нам в наших изборских прозрениях.

"Симфония пятой империи", "Вероучение Русской Мечты", "Россия — ковчег спасения", "Победные коды русской истории", "Религия справедливости" — все они рождались в недрах изборского мирознания.

Мы, изборцы, знали, что Крым вернётся в Россию. Знали, что будет восстание в Донбассе. Знали, что расчечённый, разделённый русский народ начнёт своё воссоединение. Знали, что отторгнутые, расхищенные русские территории будут возвращаться. Знали, что Запад, захвативший в свои драконьи лапы Россию, будет потеснён и отброшен, и Россия вступит в свою вековую, тыльком.

священную борьбу с Западом, где американский "град на холме", символ американской мечты, сражается с "храмом на холме" — символом Русской Мечты.

Сегодня американская крепость сражается с русским храмом. И Донбасс положил начало новому, Донбасскому, периоду русской истории.

Я был в Донбассе во время Иловайского и Дебальцевского котлов. Теперь мне не под силу взлетать на броню транспортёра, не под силу бежать из-под винтов вертолёта. Я не попал на эту войну, но своими стихами, статьями и книгами я штурмую высь, участвую в контрбатарейной борьбе, сбиваю вражеские дроны, поднимаюсь в атаку с бойцами "Вагнера", сажусь в боевую машину десантников.

Я — в воюющем Донбассе. И в день моего 85-летия я поднимаю тост за Донбасс, за русских солдат, за русскую историю — грозную, божественную, ужасную и неповторимо прекрасную историю, которая меня ещё молодым человеком посадила в свой чёлн и несёт по бурным волнам.

Верую в поток бесконечной русской истории.

Меня влекла от отчего порога
Небесных сфер покаяная труба,
Изрезанная танками дорога,
Начертанная путями судьба.

Вы спросите меня — чей я разведчик,
Кто отправлял меня в секретную разведку!
Ему молился среди церковных свечек.
Он мне прислал сиреневую ветку.

Вы спросите меня — чей я лазутчик,
Чьё выполнял опасное задание?
Я не отвечаю. Полюбуйтесь лучше,
Как полыхают звёзды в мироздании.

Вы спросите меня, какой монетой
Мне заплатили за мои поступки!
Мне заплатили голубой планетой,
Вручили мир, таинственный и хрупкий.

В мой долгий путь послал меня Творец,
Берёт от пуль и подавал напиток,
Чтоб, жизнь прожив, вернуться во дворец,
Зажав в ладонь добытые крупички.

Господь рассмотри крошки на ладони,
Моей разведки подведёт итоги.
Иль равнодушно с глаз своих прогонит,
Или возьмёт меня в свои чертоги.

КОМАНДИР ВЗВОДА лейтенант Николай Лощинин воевал пятый месяц и от боя к бою становился "человеком войны". Он штурмовал высотные здания в городах, укрывался от обстрелов в лесопосадках, отбивал танковые атаки, вытравливал, убитых, из горящей машины, отправлял в тыл обученных солдат, брал в плен одуревших от огня украинцев. И повсюду, каждый день, каждый час, каждую минуту думал о жене Гале, о её белом подвенечном платье, о тёплой груди, дрожащей от его поцелуев, о бархатном бое ночных часов, когда, просыпаясь, касался губами её плеча и засыпал, пережив мгновенье счастья. Его мысли о жене были мимолётными, почти не мысли. Были как пробегающие светлые тени, когда мчался на броне, спасаясь от настигавших миномётных разрывов. Или на привале, в ночном саду, когда слышал тихий стук упавшего спелого яблока. Или под обстрелом "Ураганов", когда снаряды терзали лесопосадку, и вырванные деревья повисали в воздухе корягами в небо, и он ждал, что снаряд разобьёт по его окопу, и сам он, как дерево, повиснет нугами вверх в перевернутом мире.

Он вспоминал белое платье жены, серебряный венец над её головой, красную птицу над ночной берёзой, её живот, где притаилось их нерождённое чадо. И мысли о ней были как мимолётная молитва перед началом боя, как невидимая дверца, куда можно скрыться от хриплых бульканий радици, тьяканья мин, матерной ругани роющих окопы солдат, от страха, когда в пшеничном поле, сминая колосья, мчитса стреляющий танк, и рука ищет гранатомёт и его не находит, и мир стекленеет, и только жёлтое поле пшеницы и чёрный, ревущий танк. Лишь однажды Лощинину удалось поговорить по телефону с женой. Вышка сотовой связи чудом уцелела среди разбитого вздрезбегии посёлка.

— Галя, это ты, Николай! Слышишь меня? Ты меня слышишь?

— Коля, ты? Это ты, Коля?

Голос жены пропал, видно, вышку срезал шальной снаряд.

Рота, куда входил взвод Лощинина, освободила рабочий посёлок и заняла оборону на окраине в кирпичном заводе, среди остывших печей, поманных механизмов, рыжей глины и чёрного угля. Посёлок был взят без боя. Украинцы отошли за речку и закрепились на далёких холмах, не тревожа обстрелами. Посёлок, казавшийся безлюдным, ожил, люди покидали дома, выходили на площадь. Так в оттепель, стывая, посыпанная снегом земля оттаивает, зеленеет трава, оживают цветы, и множество жизней просыпается и выглядывает на солнце.

Лощинин шёл через площадь, забросив за спину автомат, испытывая небывалую лёгкость, весёлость, которую обрела душа, отягчённая страхами, заботами, яростью. И вдруг беспричинная радость, просто потому что солнце осветило неказистые фасады пятиэтажек, под ногами блеснула лужа, деревья в скверике, почуяв скорую осень, начинали золотиться.

С фасада, украшенного лепниной, жители снимали украинский флаг. Проворный мужичок с черновой бородкой по приставной лестнице добрался до флага. Жёлто-голубое полотнище вырывалось, дёргалось, было мужичку по плечу, а тот боролся с флагом, сердито выдёргивал дерево из гнезда. Выдернул, победно оглянулся, кинул флаг вниз. Его товарищи засвистели, стали топтать флаг. Один небритый, чубатый размотал российский триколор, полез по лестнице. Ветер подхватил флаг: понёс вверх, и казалось, флаг тянет за собой чубатого. Бородачезный принял флаг, вогнал дерево в гнездо. Не выпустил дерево из рук, как знаменосец. Флаг колыбался, накрывал флаг знаменосца, и казалось, тот целует флаг.

— Давай, земляк, выпьем за победу! — один из тех, кто топтал жёлто-синий флаг, увидел Лощинина, достал бутылку, тряс её в воздухе. Бутылка блестела, человек хмельно улыбался, жёлто-синий флаг пугзылился у него под ногами.

— В другой раз, земляк! — Лощинин благодарно кивнул, тряхнул за спиной автомат...

Он покидал площадь, когда его нагнала боевая машина.

— Командир, смотри, что достали! — ефрейтор Бузылев, позывной "Буза", держал огромный попосатый арбуз. Старший сержант Столяр, позывной "Стон", ел алую мякоть, обливаясь соком. Лощинин видел его белые зубы, красный полугрыз арбуза, чёрные семечки. И эти смуглые от солнца солдатские лица, красные полукружья арбуза, глаза, сощуренные от сладости, были Лощинину наградой.

Рота укрепились в развалинах завода. Боевые машины спрятались в глубине цехов, выставив пушки в оконные проёмы, откуда открывалась волнистая низина, поросшая раками речушка, далёкие холмы, где окопался отступивший противник. Рота накапливала резервы. Прошли танки, прокатили тягачи, волоча за собой гаубицы. Лощинин чувствовал, как накапливается сила для наступления, но приказ наступать последует под утро, и за ночь войска отдохнут, восполнят потери в живой силе и технике, а утром, на восходе, пойдут штурмовать холмы.

Лощинин сидел на обгорелых досках и смотрел, как старший сержант Стол снражает разгрузку. Вытряхнул из карманов сор, расстелил на земле. Медленно, смакуя, засовывал в кар-

маны автоматные магазины, склепанные скотчем, крупную, как зелёное яблоко, гранату, фонарь с длинной рукояткой, коробок аптечки, две пачки сигарет, галеты. Это была его собственность, его добро, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению. Он перекладывал своё богатство, как коллекционер перекладывает драгоценные изделия. Извлекает их на свет, с наслаждением рассматривает и снова прячет.

ЕФРЕЙТОР БУЗА железным штырём скреб на стене штукатурку. Выводил надписи: "Здесь был Буза". Лощинин смотрел на кривые, возникшие на штукатурке буквы. Буза с помощью этой надписи хотел закрепить в ревущем взорванном мире, зацепиться за обломок стены, чтобы его не унесло в пустую холмистую даль. Буза хотел продлить своё существование на земле, надеясь, что люди прочтут надписи, подумают о нём, и его пребывание в мире продлится.

Буза рассматривал надписи, смахивал известковые крошки, пугбе острым штырём прочерчивал

Александр ПРОХАНОВ

БУЗА

Отрывок из романа

буквы. Ему не хотелось уходить от стены, не хотелось удаляться от надписи, не хотелось возвращаться в ревущий грохочущий мир, где он может погибнуть. Надписи берегла его, не давала погибнуть. Штырь царапал штукатурку, и появлялось неслепое крылатое существо с круглой головой и усиками. Лощинин хотел понять, какое дикинское существо рисует Буза. Ефрейтор был похож на первобытного художника, создающего на скальных рисунков.

— Ты кого нарисовал, Буза? Себя, что ли? — старший сержант Стол надел разгрузку, посмеиваясь, смотрел на рисунок. Буза не ответил, продолжал водить штырём.

— Муха какая-то! Здесь была муха Буза! Бляха-муха! — Разул глаза. Не муха, а мотылёк.

— Похож на беспилотник, — хмыкнул Стол и бодро зашагал в дальний угол цеха, где солдаты загружали в машину боекомплект. Буза отложил штырь и сел рядом с Лощининым на доску, разглядывая стенописи.

— Почему мотылёк? — спросил Лощинин. Появление мотылька на грязном обломке стены казалось таинственным. Мотылёк был загадочно связан с закопченными, в царапинах и синяках, солдатом. Был принесён на войну из другой жизни. Спутствовал солдата среди атак и ранений. Был подобен подвенечному платью жены, которое летело вслед за Лощининым среди дымов и пожаров.

— Почему мотылёк?

Буза, сидя рядом с Лощининым на досках, любовался рисунком. Рисунок возник из-под ржавого острия на грязной штукатурке, уцелевшей от шального снаряда. Мотылёк на хрупких крыльях пролетел сквозь расплавленный свинец и раскалённую сталь, присел на стену разгромленного завода. "Здесь был Буза".

Мотылёк подтверждал, что здесь и впрямь был Буза. Буза — это мотылек. Поцарапанная кулка, бронжилет, обветренные губы, грязный кулак, сжимающий стальную скобу, — всё это скрывало в Бузе мотылька. Но когда Буза с необычайной лёгкостью взлетал на боевую машину, это обнаруживало в нём мотылька.

— Мы живём в городе, а дом у нас свой, старый, праведовский. Обшили венцы вагонкой, провели газ, а всё равно изба. Сад, огород. У крыльца железная бочка. Наберётся дождевая вода, черпай, поливай огурцы. Раз выхожу на крыльцо. Утро, солнце, роса блестит, картошка цветёт. Картошка цветёт красиво, — белое, розовое, фиолетовое. Спускаюсь с крыльца, прохожу мимо бочки. Вижу, в бочке бьётся мотылёк. Попал в воду, а взлететь не может. Мало ли что в бочку попадает: мухи, жуки, муравьи. Прошёл мимо бочки к сараю. Там велосипед. Вывожу. Руль хромированный, седло кожаное. Сейчас прокачу по улице. И что-то меня колынуло. Сейчас покажу на велосипеде, солнце, окна блестят, а в бочке, в чёрной воде, тонет мотылёк. Сел на велосипед, качу по улице, а мысль о мотыльке. Он тонет в чёрной воде. Развернулся, подбежал к дому, бросил велосипед, и к бочке. Мотылёк всё бьётся, из последних сил. Я ладонь под него подвёл, вычерпал из бочки, отнёс в лопухи и выплеснул. Пусть обсохнет и улетит. И всё, и забыть об этом. А не забыл, всё вижу, как я мотылька из воды вычерпываю, несущу в лопухи, и он притих у меня на ладони и благодарит. И теперь он со мной на войне. Вроде как ангел-хранитель. Защищает от осколков, от пуль. Я в Бога не верю, а мотылька для меня, как Бог. Я Бога спас, а он меня спасает!

Буза тихо улыбался обветренными губами. Глаза нежно смотрели на стену с нацарапанным мо-

тыльком. Лощинин чувствовал вину перед Бузой, не понимая, в чём виноват. Буза был беззащитен, как и сам Лощинин, и Лощинин не мог его защитить. — Воздух! — раздался крик. — Воздух! Воздух! — понеслось по заводу, из развалин, из рывтин, из обломков конструкций.

Лощинин выпрыгнул из укрытия, поднял голову. В небе, в пустой синеве, кружили два беспилотника. Они прилетели от холмов и делали круги над заводом, как ястребы, высматривали добычу. Мелькнёт полевая мышь, ястребы сложат крылья, камнем падут на землю. Лощинин видел продолговатые упитанные тушки беспилотников, прямоугольные серебристые крылья, хвостовое оперение. При поворотах на фюзеляжах загоралась солнечная вспышка. Беспилотники снижались, их относилось в сторону, они возвращались, продолжая упорно высматривать. Лощинин испытал тоскливое беспокойство. Главный бесшумный полёт беспилотников сулил рёв батарей, грохот падающих на головы снарядов. Беспилотники были буревестники, предвещали бую.

Незримый оператор из далёких холмов прислал к заводу летающие глаза, которые видели притаившиеся в лесопосадках орудия, спрятанные в развалинах боевые машины, сложенные из кирпичей пулемётные гнёзда. Видели солдат, тянувших в небо столбы и кричащих: "Воздух! Воздух!" Видели нарисованного на стене мотылька и Лощинина с его беспомощной ненавистью. Эти летающие глаза имели зрачки, белки с полупониными сосудиками, мокрые ресницы на кожаных веках. Напоминали те, заключённые в треугольнике глаза, что рисуют на церковных вратах. Эти всевидящие очи снылись с церковных врат и повисли над Лощининым, высматривают его, чтобы убить.

Кругом грохотали автоматы, летели в небо бледные трассеры, впилились в синеву, стремились достать беспилотники. Старший сержант Стол высочился из развалин с ручным пулемётом, задрал в небо пулемётное рыльце и бил очередями, окутанный блестящими гильзами.

— Мать вашу! Суки драные!

Лощинин ещё оставался в укрытии, удерживал себя среди криков, стрельбы, злого и весёлого мата, а потом его сорвало. Он сканулся на открытое место, задрал автомат и выпустил длинную очередь, утонувшую среди треска, лучистых, тающих в небе трассеров.

Беспилотники канули, стали уходить. Их уводили от стреляющего завода. Один дрогнул, поведл крыльями, клонул носом, стал падать винтом, вращая крылья. Ударил в землю, превращаясь в бледную вспышку, в сизый дымок.

— Под хвост, сука драная! Кишки наружу! — ликовав Стол, продолжала стрелять вслед второму исчезающему беспилотнику.

БЫЛО ТИХО. Всё, что недавно стреляло, скакало, бранилось, теперь спряталось, затаилось. Лощинин слышал бульканье радици, но ротный молчал. Небо, где кружили дроны, опустело, стало огромным, белёсым. Волнистая равнина, далёкие холмы, ракицы вдоль речки казались седыми, словно их покрыл пепел. Стало трудно дышать. Воздух утекал с земли. Зелень, синева, тёмные тени оврагов побледили, словно кто-то выпивал из них цвет, и они линяли, таяли, были готовы исчезнуть. Лощинин хотел исчезнуть вместе с ними, стать невидимкой. Тишина была той, что случается перед земными катастрофами, оползнями, трясениями, извержениями, и всякая жизнь, чувствуя приближение беды, прячется, бежит, цепенет.

Лощинин не раз испытывал этот тоскливый страх, не хотел подниматься в бой, в панике закрывал голову руками, слыша, как взрывы ищут его, готовы ухнуть, оставив мокрую кляксу. Но теперь это был ужас, помрачение. Завершалась не просто его жизнь, но жизнь всех: и людей, и трав, и насекомых. Это завершение случилось теперь, а не в бесконечно удалённые времена, когда погаснет солнце. Оно случилось на этом утлом кирпичном заводе, среди волнистой долины, куда упал беспилотник, и его падение породило оползень, в который с неба сползают звёзды, и земля, сорванная с осей, уносится в чёрную дыру мироздания. Лощинин хотел вскочить и бежать слепо, без путей, убегая от оползня. Помрачение длилось минуту. Сумасшествие, его посетившее, кончилось, оставив в голове тупую тоску. И почти с облегчением, радостью он услышал свист снаряда, увидел мрачную вспышку и взлетающий бурн взрыва.

Артиллерия билась из-за холмов. Взрывы толпились тесно. Казалось, из земли вскакивают нечёсаные великаны, шагают гурьбой, приближаясь к заводу. С грохотом шагнут в цеха, сметая

стены, кроша перекрытия, плеща огневые точки. И от них живому нет спасения. Чтобы уцелеть, надо умереть раньше, чем тебя настигнет взрыв. Мёртвый ты не интересен взрыву. Взрыв поужит вокруг тебя, пройдёт мимо к тем, кто жив, в ужасе вскакивает, бежит. Как тот очумелый солдат из второго взвода, что выбежал навстречу взрывам. Закрыв ладонями уши, бессмысленно закружился, и его стрёб взрыв. Он исчез, превратился в пепел и вместе с землёй осыпался в воронку, уже в виде горячего мокрого пепла.

Лощинин погасил в себе все чувства: зрение, слух, обоняние, — прикинулся мёртвым, ожидая, когда взрывы толпой протоплют мимо.

"He я! He я!" — он обманывал взрывы, прикидывался несуществующим. Кругом грохотало. Взрывы гуляли по заводу, расщевывали стены, обваливали крыши. Упала кирпичная стена, и открылся борт боевой машины. Осыпанная кирпичной пудрой, с плоско нацеленной пушкой, с буквой "Z" на броне, вся она была на виду, и Лощинин, отводя от неё попадание, повторял: "He я! He я!"

Взрывы топтались по заводу. Кусок бесформенного железа пролетел над Лощининым и вцепился в длинную, как шея жирафа, стрелу транспортёра. Кусочки кирпича застучали по каске, жаркий воздух шибанул в лицо, ноздри обожгла вонючая гарь.

"He я! He я!"

Взрывы ушли с завода в посёлок. Кружили по площади, где недавно рокотал мегафон, чернородый знаменосец махал трёхцветным флагом, молодая учительница цокала высокими каблуками.

"He я! He я!" — твердил Лощинин, увозя взрывы от знаменосца, учительницы на каблуках, оратора с мегафоном.

Стихло. Шуршала кирпичная крупа, звенело, остывая, железо. Взвод вылезал из укрытий. Из подвалов и ям осторожно появлялись головы в касках, посыпанные пылью лица. Так медленно, чутко выставляли грибы. Были раненые, им бинтовали лбы.

Двое солдат уводили с завода третьего, повисшего у них на плечах.

— Сойка! Сойка! Я Сова! Доложите потери!

— Я Сойка! Я Сойка! Три "трёхсотых", лёжки.

— Пожал вас, Сойка! Ждите атаки!

Ждать не пришлось. На вершинах белёсых холмов появились тёмные метины. Вбухали, шевелились, множились. Так из-под кожи мёртвой туши вылезают на свет жуки и личинки, выплывают, ползут. Танки появлялись на вершинах холмов, сползали по склону, окружённые тёмной силой пехоты. Лощинин насчитал пять танков, а они всё выплывались, догоняли ушедших вперёд. Девять танков в сопровождении пехоты сползли с холмов в низину и шли широким фронтом, образуя неровный клин.

Лощинин лбом чувствовал их тупую упорную силу. Ломило переносицу. В глазных яблоках дрожали сосуды.

— Сойка! Сойка! Я Сова! Выбавай танки!

— Это выбивать танки! — зло отозвался Лощинин, удерживая лбом тёмный клин, который, казалось, остановился, не двигался, и Лощинин, упираясь в железную балку, не пуская танки. Жилы его натянулись, хрящи и кости хрустели.

"Есть выбивать танки!" — беззвучно повторял Лощинин.

ТАНКИ ШЛИ МЕДЛЕННО, не отрываясь от пехоты. Приблизились к речушке, ныряли в ракицы, скрывались и вновь выползали на берег, мокрые, блестя на солнце. Лощинину казалось, он видит, как машина танка плюется в воду, распыляет реку. Бурлят tanks, гусеницы рвут донный ил. Пехотинцы, подняя автоматы, перебрерадо реку, поспевают за танками, мокрые по пояс, и танки, ровняя клин, идут по белёсой низине.

"Есть выбивать танки!"

Лощинин угадывал вращенье катков, сизый дым за кормой, светлые, как комочки теста, лица пехотинцев под касками.

"Есть выбивать танки!"

Он больше не удерживал их, торопил приближение, манил, подзывал. Рука шупала пенал гранатомёта. В развалинах взвод следил за приближением танков. Ждал, когда взводный по радици прикажет командиран машин открыть огонь.

"Есть выбивать танки! Есть, вашу мать!"

Ахнула батарея из лесопосадки. Одинокий взрыв встал на поле. Осел, превращаясь в пыль, и головной танк прошёл сквозь пыль, яростно крутя гусеницами.

Батарея чавкала. Взрывы катались по полю. Один танк горел. Его обходили другие. Пехота бежала за танками. Лощинин чувствовал, как жарко стиснулись его мышцы, похожая на радость волна колыхнула его.

— Первый, я Сойка! По танкам броневойными огнём! Второй, я Сойка, по пехоте осколочными огнём! Третий, я Сойка! Беглый огнём!

Развалины хрстнули. Воздух лопался. Боевые машины вели огонь. Танки ломали строй. На пушках вбухали огненные пузыри, снаряды врывались в развалины, сметали уцелевшие стены. Ещё один танк горел. Взвод втянулся в бой, без команд, накрытый грохотом, свистом. Каждый сражался за свой участок развалин, не пуская атакующие вглубь завода. Лощинин видел, как летят к танкам дымные трассы гранат. Гранатомётчики промахивались. Вокруг танков загорались красные язычки взрывов. Лощинин

подтянул пенал гранатомёта, укрепился ногами, откинул пласку. Поймал в прищел крутящиеся гусеницы, плоскую башню с кубиками активной брони. Нажал на спуск. Полыхнуло за плечом. Прянула курчавая трасса. Её острие вонзилось в танк, погрузилось в броню. И оттуда ударил взрыв, танк подпрыгнул, осел, из него повалил малиновый дым. "Есть выбивать танки!"

Над головой Лощинина страшно треснуло. Рухнула тяжкая жаркая тьма. Всё пропало, стёрлось. Он всплыл из тьмы. Лежал, заваленный мусором, видел, как сквозь щель проламывается танк. Близко у лица скрипят гусеницы. Висит на пушке обломок деревянной рамы. Опять тьма. Ончнулся. Над ним склонился старший сержант Стол, Сьехавшая каска, разбитая в кровь губа.

— Командир, командир, живой?

— Где взвод?

Он опять погружался во тьму, слыша, как Стол силится его поднять, взваливает себе на спину.

— Где взвод?

Что-то белое, чудесное, божественное, как её подвенечное платье, проплыло над ним, и он утонул во тьме.

Ефрейтор Буза сидел спиной к стене. Ноги ему придавила тяжёлая бетонная балка. Раздробленные кости нестерпимо болели, и любое шевеленье вызывало резь, от которой он проваливался в беспомощство. Его автомат был отброшен взрывом, из кирпичей виднелся расщеплённый приклад. Там же валялся смятый пустой пенал гранатомёта. На стене, над его головой, была нацарапана надпись: "Здесь был Буза", и рядом — нелепый, с четырьмя неодинаковыми крыльями мотылёк. Сквозь оконный проём, наполовину засыпанный кирпичами, виднелась низина, подбитый танк, из которого сочился едкий малиновый дым, грузовик с брезентовым кузовом. Из-под брезента спрыгивали солдаты, разминались, толпились, неохотно строились. Их строил офицер с чёрными щеголеватыми усиками. На рукаве виднелся жёлто-голубой шеврон. Подкатывали другие грузовики. Солдат становилось больше. Слышались команды.

Буза понимал, — взвод разгромлен, украинцы захватили завод. Построятся и целпо пойдут по цехам, выиская среди развалин уцелевших защитников. Отыщут его, с перебитыми ногами. Приставят ко лбу автомат и нажмут на спуск. Или начнут вытаскивать из развалин, оставляя под балкой отравленные нуги.

Буза слабо дёрнулся и, пронзённый болью, обер, ухнул в тьму. Всплывал, и ему казалось, в ногах, вместо костей, торчат раскалённые шворни.

В развалинах слышались голоса, осыпались кирпичи. Голоса удалялись, опять приближались. Буза слушал бжуджающие вокруг голоса, надеялся, что они удалятся, солдаты его не найдут, покинут завод. Начнётся контратака, и взводный ворвётся в цех, увидит его. "Буза, живой! Давай, потерли!" Отвалят бетонную балку, поднимут, понесут на руках прочь от этих развалин, от подбитых танков, исковерканного автомата, оставив стену с грязной штукатуркой и надписью: "Здесь был Буза".

Но не было контратаки, не было взводного. Голоса приближались, и сейчас в проёме стены появится лицо с чёрными кошачьими усиками, и на этом лице жадно загорятся глаза.

Буза тосковал. Думал, как солдаты вытащат его из-под балки, кинут в кузов грузовика, увезут в какой-нибудь тёмный подвал и сделают с ним то, что сделали с Нянней. Выволокут из подвала его голое тело с кровавой паклей в паху.

Буза дёрнулся, вскрикнул, кинул во тьму. Медленно возвращался. Равнина в вечернем солнце, подбитый танк с малиновым дымом, бжуджающие вокруг голоса.

Он держался на зыбкой черте между светом и тьмой, и на этой черте краснели сочные полукружья арбуза, цвела картошка, мать с тлякой стояла в гряде, выбирая с лица упавшую прядь, отец строгал рубанком длинную белую доску, и стружки кружились и падали на траву, и так чудесно пахла смолой доска, и в железной бочке чернела дождевая вода, и водной круг дрожал, трепетал, мотылёк бился маленькими сизыми крыльями.

— Мама! — позвал Буза, — папа!

В проломе стены появился солдат, в ремнях, бронжилете, в каске с намотанной маскировочной сеткой. Руки в перчатках сжимали автомат. Палец лежал на спуске. Буза и солдат смотрели один на другого. У солдата были голубые глаза. Бузе показалось, что в глазах солдата жалость, сочувствие. Буза ему улыбнулся. Солдат сквозь зубы плюнул длинным плевокком. Обернулся:

— Мужики, москаль живой!

Появились другие солдаты, среди них офицер с кошачьими усиками:

— Ну что, москаль, хорошо тебе на Украине?

Буза вертел головой. Кругом были весёлые лица, хохочущие глаза. Солдаты стояли стеной, но между усаым офицером и солдатом в перчатках оставался прогал. Сквозь него виднелась вечерняя низина, далёкие холмы и зелёное небо. В этот спасительный прогал тянулся Буза. Там было счастье, исцеление, цвела голубым и розовым картошка, из чёрной бочки взлетал мотылёк, обнимал Бузу прозрачными крыльями, уносил в небо.

Граната, которую держал в кулаке Буза, была круглая, как зелёное яблоко. Он дёрнул кольцо, поднял руку и разжал пальцы.